

DOI: 10.31857/S086919080017726-5

**ДОГОВОР 1921 г. СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПЕРСИИ:  
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ  
(К СТОЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ)**

© 2021

З.А. АРАБАДЖЯН<sup>a</sup>, Е.В. ДУНАЕВА<sup>b</sup>, Н.М. МАМЕДОВА<sup>c</sup><sup>a, b, c</sup> – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия<sup>a</sup> – ORCID ID: 0000-0002-5743-2002; arabzava@yandex.ru<sup>b</sup> – ORCID ID: 0000-0003-3492-1361; elena-vd@list.ru<sup>c</sup> – ORCID ID: 0000-0002-4571-8206; mamedovan@mail.ru

**Резюме:** Авторы, обращаясь к советско-иранскому договору 1921 г., по истечении столетия с новых позиций оценивают его роль в укреплении суверенитета каждого из государств и выстраивании отношений между ними, анализируют, насколько он отвечал интересам России и Ирана, какое значение имел для развития отношений двух стран в XX в. Рассматривая историческую обстановку накануне его подписания, авторы обращают внимание на неоднозначность ситуации в Иране и большое влияние Великобритании на политику страны. Подписание Договора гарантировало суверенитет Ирана, открыло возможности для развития равноправных отношений двух соседних государств, таким образом создав прецедент в отношениях Ирана с иностранными государствами. Для новой России этот документ стал шагом к прорыву дипломатической изоляции и отражением нового баланса сил в регионе.

Оценивая экономические статьи Договора, авторы отмечают, что безвозмездный отказ России практически от всей российской собственности не только способствовал улучшению финансовой ситуации в Иране, но и заложил основу для развития взаимовыгодных экономических отношений двух стран в последующие десятилетия. Подчеркивается, что этот отказ был увязан с вопросом обеспечения безопасности Советской России, что отразилось в статье 6, которая многие десятилетия вызывала недовольство иранской стороны.

Договор заложил основы правового статуса Каспийского моря как моря закрытого, находящегося в общем пользовании государств. Подписанная в 2018 г. Конвенция о правовом статусе Каспия в определенном смысле сохранила особый режим моря и отразила дух Договора.

Несмотря на то, что в ИРИ высказываются неоднозначные оценки этого Договора, ряд экспертов отмечает, что в целом он отвечал интересам Ирана.

**Ключевые слова:** Советско-иранский договор 1921 г., Персия, отказ от концессий, Русский Учетно-ссудный банк, правовой режим Каспийского моря.

**Для цитирования:** Арабаджян З.А., Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. Советско-иранский договор 1921 года и его значение для отношений двух стран. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 191–202. DOI: 10.31857/S086919080017726-5

## THE SOVIET-IRANIAN TREATY OF 1921: HISTORY AND MODERNITY (TO THE CENTENARY OF CONCLUSION)

© 2021 Zaven A. ARABADZHYAN<sup>a</sup>, Elena V. DUNAEVA<sup>b</sup>, Nina M. MAMEDOVA<sup>c</sup>

<sup>a, b, c</sup> – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<sup>a</sup> – ORCID ID: 0000-0002-5743-2002; arabzava@yandex.ru

<sup>b</sup> – ORCID ID: 0000-0003-3492-1361; elena-vd@list.ru

<sup>c</sup> – ORCID ID: 0000-0002-4571-8206; mamedovan@mail.ru

**Abstract:** After a century since the Soviet-Iranian Treaty was signed in 1921 authors of the article consider its significance from a new viewpoint – as the backing of the sovereignty of Iran and Russia that supported development of their relations. Authors examine the way it complied with the interests of Russia and Iran, and its impact on the bilateral relations in the 20th century.

The signing of the Treaty secured the sovereignty of Iran, served as the base for the development of equal relations between the two neighboring states and opened up Iran for relations with foreign states. For the Russia, this document was a step towards breaking its diplomatic isolation. The authors emphasize that Russia had granted almost all its property to Iran which contributed to the improvement of the financial situation in Iran and served as a base for the development of mutually beneficial economic relations between the two countries. The authors mention that the property transfer clause was connected with the security of the Soviet Russia. This fact was reflected in the Article 6 of the Treaty. The Treaty set up the basement for the legal status of the Caspian Sea as a closed sea in the states' joint usage. The Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, signed in 2018, to some extent retained the special regime of the sea and reflected the spirit of the Treaty of 1921.

Although in IRI there are different views about the Treaty some experts consider that it generally complied with Iran's national interests.

**Keywords:** The Soviet-Iranian Treaty of 1921, Persia, refusal of concessions, Russian Loan Bank, legal regime of the Caspian Sea.

**For citation:** Arabadzhyan Z.A., Dunaeva E.V., Mamedova N.M. The Soviet-Iranian Treaty of 1921: History and Modernity (to the Centenary of Conclusion). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 191–202. DOI: 10.31857/S086919080017726-5

После Октябрьской революции Советская Россия оказалась в кольце политико-дипломатической блокады. В связи с этим одним из направлений ее внешней политики стало подписание договоров с рядом стран Востока, что должно было означать прорыв дипломатической изоляции, навязанной империалистическими державами. В 1921 г. были заключены договоры с Ираном, Турцией и Афганистаном. Несмотря на то, что со времени их подписания прошло уже сто лет, интерес к ним не утихает ни в зарубежной, ни в отечественной литературе<sup>1</sup>.

Чтобы оценить значение советско-иранского г. для Ирана, необходимо рассмотреть не только суть этого документа, но и предысторию его подготовки и подписания. В XIX в. Иран в ходе своего политико-дипломатического общения с европейскими державами подписывал

<sup>1</sup> В 2021 г. была опубликована статья В.Н. Зайцева и Т.А. Коняшкиной «Об одном из этапов «Большой игры» в центре Евразии (к столетию московских договоров 1921 года)» [Зайцев, Коняшкина, 2021]. В Иране Б. Навазани в 2015 г. опубликовал книгу «Договор о дружбе Ирана и России 26 февраля 1921 г.» [Navazani, 2015].

неравноправные договоры, как правило, навязанные ему по итогам проигранных войн: Гулистанский и Туркманчайский трактаты с Россией (1813 и 1828 гг.) и Великобританией (начиная с договора 1801 г. и особенно договор 1841 г.). Затем и другие западные страны стали подписывать неравноправные договоры с Ираном. Все эти договоры ущемляли иранский суверенитет, навязывали неравноправные условия торгово-экономических связей, наделяли подданных этих стран правом экстерриториальности и пр. Господствовавшие в Иране Россия и Англия самостоятельно решали его судьбу, что выразилось в разделах его территории на сферы влияния в 1907 и 1915 гг.

### ДОЛГИЙ ПУТЬ К УСТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РСФСР И ИРАНОМ

Период, предшествовавший подписанию договора 1921 г., был крайне сложным и противоречивым. Советское руководство уже в январе 1918 г. передало иранскому посланнику в Петрограде заявление Совнаркома об аннулировании всех соглашений, направленных против независимости Ирана. В нем выражалось стремление строить отношения с Ираном на основе взаимного уважения народов и равноправных соглашений, объявлялось об отказе от кабальных договоров, включая англо-русское соглашение 1907 г. [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 63–64].

26 июня 1919 г. было обнародовано обращение к «Персидскому народу и персидскому правительству», в котором советское правительство отказывалось от всей собственности, концессий, финансовых активов царской России в Иране, освобождало Иран от выплат по старым долгам, отказывалось от участия в организации иранских вооруженных сил и пр. [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 65–67].

Несмотря на эти дружелюбные действия РСФСР, с иранской стороны встречного движения не наблюдалось. Затягивалось открытие дипломатического представительства РСФСР в Иране. Иранские власти признавали советскую власть уже самим фактом политико-дипломатических контактов с нею и присутствием иранского посла в Петрограде и позднее в Москве, но при этом они отказывались признавать советские миссии, направлявшиеся для работы в Иран. Такая политика привела к вынужденному отъезду первого советского дипломатического агента Н.З. Бравина (1918 г.), разгрому советской миссии во главе с И.О. Коломийцевым (1918 г.), и его убийству в 1919 г. при повторном въезде в Иран для открытия советского полпредства.

Разумеется, имело место классовое неприятие нового типа государства, как явления непонятного и пугающего местную феодально-помещичью элиту. Но была и иная причина – давление со стороны Великобритании, которая считала большевиков своим главным врагом и не желала их появления в Иране. Кроме того, политика советской стороны, безвозмездно отказывавшейся от всех привилегий и концессий, оказывала сильное влияние на иранское общество, настраивая его антианглийски. А в это время англичане вели борьбу за подписание и реализацию англо-иранского соглашения 1919 г. Поэтому англичане последовательно убирали иранских премьер-министров, которые высказывали желание наладить отношения с советской стороной и официально принять имущество, от которого она отказывалась.

27.07.1918 г. правительство Самсам ос-Салтане, откликаясь на заявление Совнаркома, приняло решение официально объявить об аннулировании всех неравноправных договоров между Ираном и Россией. Но английский посланник заявил Ахмед-шаху, что принятие такого постановления будет равнозначно объявлению войны Великобритании, и шах издал указ о роспуске кабинета. Правительство не подчинилось шахскому указу, *но под давлением англичан его разогнали персидские казаки*. Именно после этого был сформирован кабинет

английского ставленника Восуга од-Доуле, который подписал англо-иранское соглашение 1919 г. [*Новая эпоха*, 1920, с. 22–24]. Вскоре после его подписания Г.В. Чичерин направил протест против этого кабального для Ирана договора, обращенный не к иранскому правительству, а к рабочим и крестьянам Персии [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 67–71].

## ПОДГОТОВКА И ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-ИРАНСКОГО ДОГОВОРА

Только после падения правительства Восуга од-Доуле началась подготовка к подписанию договора с РСФСР, и в Москву в ноябре 1920 г. прибыла чрезвычайная миссия во главе с Мошавер уль-Мамалеком. Переговоры проходили параллельно с нараставшей борьбой против англо-иранского соглашения. Его противников вдохновляли успешные переговоры с советским руководством. Об этом можно судить в т.ч. по публикациям иранских газет, которые писали, что последние предложения советского правительства дают «возможность установления другой, новой политики со стороны нашей северной соседки» [Rahnema, 30.12.1920].

Параллельно с переговорами в Москве, англичане, понимавшие неизбежность отмены соглашения 1919 г., решили изменить некоторые аспекты своей политики в Иране. С этой целью готовился переворот, который должен был внешне выглядеть как антианглийский, поскольку новым правительством предполагалось официально отменить договор 1919 г., но сохранить проанглийский курс, лишь чуть замаскировав его. Такой переворот произошел в ночь с 20 на 21 февраля 1921 г. и вошел в историю как Переворот третьего хута. Поскольку советско-иранский договор был уже подготовлен и согласован на заседании Чрезвычайного совещательного собрания, новый кабинет отменить его подписание не мог. В итоге договор между РСФСР и Ираном (Персией), содержащий Преамбулу и 26 статей, был подписан 26 февраля 1921 г. в Москве Народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным и иранским послом в Советской России Мошавер уль-Мамалеком<sup>2</sup>.

Оценивая содержание указанного документа, следует выделить три группы статей. Первая группа – это то, что должно было быть сделано и было сделано: отмена всех неравноправных соглашений и трактатов, которые были заключены царской Россией, аннулирование соглашений России с третьими странами, которые ущемляли интересы Ирана, отказ от кабальных концессий и привилегий, выстраивание отношений на принципах невмешательства в дела друг друга (ст. 1, 2, 4 и пр.).

Вторая группа – то, чего не следовало делать, однако было сделано из-за революционного романтизма и непонимания в должной мере ситуации в Иране и психологии иранского социума. Это, прежде всего, ст. 10, согласно которой иранской стороне безвозмездно передавалась российская собственность и списывались все долги. Данный шаг объяснялся стремлением компенсировать ущерб, нанесенный русскими войсками в ходе своего пребывания на иранской территории во время Первой мировой войны. Чрезмерность такого шага проистекает от того, что ущерб Ирану был нанесен армиями не только России, но и Турции, Англии и даже Германии, которые участвовали в военных действиях в Иране. Кроме того, все оставляемое имущество и все списанные долги по займам, оценивалось примерно в 70 млн руб. золотом, что было несопоставимо больше урона, причиненного русской армией.

Данные шаги представляются спорными, поскольку после победы Октябрьской революции указанные средства становились достоянием народа, и можно было отказаться от получения процентов, но не от самих займов. Есть большая разница между отказом от неравноправных договоров и дарением огромных средств в угоду идеологическим посту-

<sup>2</sup> Полный текст договора см. в [*Советско-иранские отношения*, 1946, С. 74–82].

латам, тем более что сама Советская Россия после гражданской войны находилась в плачевном состоянии. Вероятно, данные акты были попыткой вызвать чувство признательности и вовлечь Иран в сферу советской политики. Но этого не произошло.

Много позже иранский коммунист З. Альмоути относительно политики советской власти и реакции на нее иранских правящих кругов справедливо отмечал: «Когда иранцы принимали эти подарки, то хорошо знали, что целью советской власти является компенсация Ирану убытков и разрушений, нанесенных нашей стране в результате нарушения ее нейтралитета в войне. Но щедрый отказ советской стороны от всех своих привилегий и преимуществ в Иране, воспринимался иранцами не как великодушие и искренность этой власти, а создавал у них представление об исчезновении силы этой страны» [Almouti, 1370, с. 123–124].

Третья группа статей, вызывающих резкую критику с иранской стороны, представлена, прежде всего, ст. 5 и 6, а также частично ст. 13. Критицизм в отношении ст. 5 не вполне ясен, поскольку она на паритетных началах обязывала стороны не допускать пребывание на своей территории организаций, частных лиц, войск третьих стран и пр., которые могут быть использованы против другой стороны.

Статья 6 в одностороннем порядке давала РСФСР право ввести свои войска на иранскую территорию, если возникнет угроза захвата части иранской территории и превращения ее в плацдарм для нападения на Россию. Но эта статья не предусматривала аналогичного права за иранской стороной, что вызвало проблемы с ратификацией Договора в межджисе. Иранское правительство запросило разъяснения по этому поводу. В советском ответе говорилось, что статьи 5 и 6 Договора имеют в виду лишь подготовку к активной вооруженной борьбе с Россией или союзными с ней советскими республиками со стороны сторонников низвергнутого режима и покровителей среди иностранных держав, которые могут занять «силой часть персидской территории и там организовать базу для прямого нападения своими силами или контрреволюционными силами на Советские Республики или на самую Россию» [Документы, 1960, с. 798–799].

Недовольство иранской стороны положениями статьи 6 понятно, однако следует помнить и о ситуации, в которой тогда находилась советская Россия. Гражданская война была еще не закончена, РККА потерпела поражение в войне с Польшей, на Дальнем Востоке существовала Дальневосточная Республика и находились войска японских интервентов. Для Советской России было важно максимально обезопасить свои южные границы, где начиналась борьба с басмаческим движением, и эту безопасность в какой-то степени обеспечивала статья 6.

### ЧТО ВЕРНУЛИ ИРАНУ И ЧТО УДАЛОСЬ ВОССТАНОВИТЬ?

В отличие от договоров с Турцией и Афганистаном, договор с Ираном содержал несколько статей экономического характера. Они законодательно закрепили провозглашенный новой властью отказ от концессий и выплат по полученным от России займов (ст. 8). Часть иранской общественности восприняла это решение восторженно, понимая, что для Ирана, пострадавшего в период Первой мировой войны, оно означало возможность улучшить свое финансовое положение и преодолеть кризис. Но другая часть иранской элиты отказ от собственности и выплат по царским долгам расценила как слабость новой российской власти. Уже в марте 1919 г. на Парижской мирной конференции был представлен меморандум иранского правительства, в котором содержалось требование к советской России передать Ирану Азербайджан с Баку, Армению с Ереваном, Нахичевань, Нагорный Карабах и часть Дагестана с Дербентом. Хотя этот меморандум конференция даже не стала

рассматривать, сама позиция Ирана, явно инициированная извне, делает логичным включение в Договор 5 и 6 статей, обеспечивающих неприкосновенность советской границы в ответ на экономические уступки.

Насколько были значительны для России и для Ирана эти уступки?

Именно займы царской России Ирану являлись одной из основных форм распространения не только экономического, но и политического влияния России в Иране. Первый заем России Ирану был выдан еще в 1898 г. Затем они стали предоставляться почти ежегодно под обеспечение платежами северных таможен. Если первый заем не превышал 150 тыс. руб., то уже в 1900 г. Ирану был выдан огромный «Персидский 5% золотой заем» в сумме 22,5 млн руб., или 2,4 млн ф.ст. сроком на 75 лет, который был растрочен за полтора года [Bharier, 1971, p. 18].

Уже к 1910 г. общая задолженность Ирана по русским займам превышала 43 млн руб. золотом [Кулагина, 2010, с. 154]. Много это или мало? Весь экспорт Ирана в этот период оценивался в 35 млн руб., т.е. задолженность составляла 81% всего экспорта [Сеидов, 1974, с. 53]. Долг Ирана по русским займам на время заключения Договора оценивался (без учета процентов по займам) в 65,5–70 млн руб. золотом [Алиев, 2004, с. 129]. На конец 1920 г. внешний долг Ирана составлял примерно 9,9 млн ф.ст. (в т.ч. 32,8 млн руб. золотом и 2,7 млн ф.ст.). Аннулирование царских долгов дало возможность Ирану снизить внешнюю задолженность уже к концу 1921 г. до 4,1 млн ф.ст. [Глухоед, 1968, с. 92, 95].

Советское правительство заявило, что отрицает колониальную политику капитализма и поэтому передает «в полное владение персидского народа... активы Учетно-Ссудного Банка Персии, а равным образом движимое и недвижимое имущество означенного банка, находящееся на территории Персии» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 77].

Русский банк и английский Шахиншахский банк вплоть до середины 1920-х гг. являлись единственными банками, действовавшими в Иране, а до их создания финансовые операции находились в руках саррафов (менял).

В 1890 г. Я. Поляков приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка, на основе которой в 1891 г. был создан акционерный банк. Так как Я. Поляков не смог развернуть деятельность в полной мере, Госбанк России перекупил три четверти его акций. С 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать формально как частное учреждение, а в действительности как государственный русский банк, который в 1902 г. был переименован в Учетно-ссудный банк Персии. Именно через него выдавались займы и ссуды Ирану и центральному правительству, и лично членам шахского правительства, учитываемые как государственные ссуды. Без участия этого банка не проходила ни одна процедура по оформлению русскими предпринимателями концессий у шахского правительства. Члены правления банка сами становились акционерами того или иного крупного проекта. В самой Персии банк имел пять крупных отделений – в Мешхеде, Реште, Тавризе, Керманшахе, Тегеране.

Для советского государства экономически и политически сложным был отказ от Учетно-ссудного банка. Но потребность в создании в Иране финансовой организации для осуществления коммерческих связей двух стран, была очевидной. Инициатором воссоздания банка стала советская сторона. В 1923 г. вместо Учетно-ссудного банка в Тегеране был создан Русперсбанк. Он действовал на основании устава, учрежденного иранским правительством, но одновременно (с 1927 г.) находился в подчинении Наркомата внешней торговли и Внешторгбанка. В 1954 г. СССР выкупил все иранские акции, и банк действовал вплоть до исламской революции, когда был национализирован.

Ст. 10 Договора закрепляла передачу в полную собственность Ирана построенных Россией инфраструктурных объектов: «Шоссейные дороги Энзели – Тегеран и Казвин –

Хамадан со всеми относящимися к этим дорогам землями, постройками и инвентарем; железнодорожные линии Джульфа – Тавриз и Софьян – Урмийское озеро со всеми постройками, подвижным составом и другим имуществом; пристани, товарные склады, пароходы, баржи и другие транспортные средства на Урмийском озере, со всем относящимся к ним имуществом; все выстроенные бывшим Царским Правительством в пределах Персии телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарем; порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и другими постройками» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 78]. Это лишь краткий список передаваемой Ирану собственности. Например, концессия, выданная Учетно-ссудному банку на строительство Тебризской железной дороги, включала в себя и добычу полезных ископаемых в пределах 60-ти верст по обеим сторонам дорог [Ананьич, 1975, с. 184].

Согласно ст. 12, Ирану передавались как действовавшие концессии, так и полученные, но пока не реализованные, а также все земли, входящие в эти концессии (кроме зданий и земель российского посольства и консульств).

Однако российская сторона уже в этом Договоре добилась нескольких исключений. Главное заключалось в том, что Персия давала обещание «не передавать возвращенные концессии во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству или его гражданам» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 79].

Отдельно был поставлен вопрос о рыбной концессии, которая, в отличие от большинства концессий, являлась частной, хотя часть ее акций принадлежала Учетно-ссудному банку и в перечень передаваемых концессий включена не была. Концессия была выдана в 1873 г. российскому купцу С. Лианозову на 20 лет, затем продлена до 1925 г. Из-за событий Первой мировой войны, приведшей к оккупации части территории Ирана, компания Лианозова обанкротилась. В начале 1920-х гг. значимость сохранения этой концессии для Советской России определялась преимущественно экономическими причинами – пополнением продовольственного рынка для голодающего населения. Поэтому была достигнута договоренность с Ираном, закрепленная в ст. 14, о том, что иранское правительство согласно заключить соглашение «об эксплуатации сих промыслов на особых имеющих быть выработанными к тому времени условиях» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 79]. Переговоры осложнились получением в 1922 г. Лианозовыми новой концессии на 15 лет, но советская сторона выкупила долю главного наследника торгового дома М. Лианозова, что дало законное право на ведение ловли [Дёмин, 2020]. В 1927 г. было обеими сторонами ратифицировано Соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов на паритетных началах сроком на 25 лет. По окончании срока Соглашение не было продлено, и в 1953 г. промыслы были переданы Ирану.

12-я статья Договора предусматривала возобновление в кратчайший срок торговых связей и выработку торговой конвенции. Но дальнейшее их развитие столкнулось с огромными трудностями. Фактором, который содействовал восстановлению и развитию торговых отношений, стало изменение экономической политики в советском государстве – переход к НЭПу, что облегчило сотрудничество и с иранским купечеством, и с российскими компаниями.

Достаточно сложной была ситуация вокруг порта Энзели, который, несмотря на ст. 10, фактически оставался под советским контролем вплоть до 1927 г. В 1927 г. порт был полностью передан под иранский контроль, но с условием не допускать к работе в нем иностранных поданных в течение 25 лет.

СССР удалось также добиться того, что концессия А.М. Хоштария на северную нефть не попала в руки зарубежных компаний, хотя в разные годы ряд зарубежных компаний пытались получить эту концессию.

Приведенный выше неполный перечень собственности, которая была передана Ирану по договору 1921 г., впечатляет. Конечно, те иранские круги, которые были тесно связаны с русскими концессиями и особенно с Учетно-судным банком, понесли потери. Но иранское государство, несомненно, смогло улучшить свое финансовое положение, сократив внешнюю задолженность, а также получив в свое распоряжение собственность бывших российских компаний, что значительно перекрывало убытки, понесенные некоторыми иранскими предпринимателями. По некоторым оценкам, финансовый эффект, полученный Ираном от актов советского государства, превышал на тот период 100 млн золотых руб. [Глуходел, 1968, с. 119]. Экономический эффект был еще выше. Так, после того как РСФСР передало в собственность Ирану все дороги, которые принадлежали царской России, этому примеру была вынуждена последовать и Англия. Благодаря передаче собственности царской России в Иране договор 1921 г. не только стал декларативным, но и реальным подтверждением политической и экономической независимости Ирана, заложив фундамент для дальнейшего развития взаимовыгодных отношений и сотрудничества.

### ВОПРОСЫ ГРАНИЦ И ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Договор 1921 г. включил в себя также статьи, касающиеся пограничных вопросов и статуса Каспийского моря, которые не утратили актуальности даже по истечении столетия.

Ст. 3 подтвердила незыблемость сухопутных границ, определенных в XIX в. Учитывая, что правительство советской России представляло интересы других советских республик, северная граница Ирана рассматривалась в документе как граница с советской Россией. Основное внимание было уделено ее среднеазиатскому участку, на котором не были завершены работы по демаркации, и установленная Конвенцией 1893 г. граница вызывала наибольшее недовольство иранской стороны. Советская Россия, дабы не осложнять ситуацию в Средней Азии, пошла на уступки и передала Ирану острова Ашур-Ада и несколько более мелких островов, расположенных у иранского побережья Каспийского моря, отказалось от земель, расположенных вокруг селения Фирузе. Для урегулирования вопросов водопользования на пограничных реках и других не полностью разрешенных территориальных вопросов предполагалось создать совместную комиссию, и к 1922 г. был выработан проект соглашения. Однако из-за внутривосточной нестабильности в Иране и борьбы с басмачеством в Советском Туркестане, решение этих вопросов затянулось. В результате соглашение о взаимном пользовании пограничными реками и водами было подписано лишь в 1926 г.

Несмотря на то, что в 1930-е гг. СССР и Иран постоянно выдвигали пограничные претензии (относительно границы в Хорасане и в районе Муганской степи, селения Фирузе), серьезных конфликтов на границе не происходило. Договор стал основой урегулирования всех пограничных вопросов между СССР и Ираном в 1950-е гг. Линия прохождения сухопутной границы, ставшая после распада СССР границей Ирана с Азербайджаном, Арменией и Туркменистаном, не пересматривалась.

Важную роль в развитии двухсторонних отношений сыграли статьи относительно Каспийского моря. Ст. 11 предоставляла Ирану право свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом. Тем самым отменялись статьи Гулистанского и Туркманчайского договоров, запрещавшие Персии иметь военный флот. При этом в ст. 7 оговаривалось, что в целях обеспечения безопасности на море «в составе экипажа судов персидского флота» не должны находиться граждане третьих стран, «использующие свою службу в персидском флоте в недружелюбных по отношению к России целях» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 78]. Эта статья отражала стремление новой России сохранить статус Каспийского

моря как моря закрытого, только российско-иранского, и не допустить появления на нем третьих стран, прежде всего, Великобритании.

Этот же подход был положен в основу документов, закрепивших в 1927, 1931, 1935 и 1940 гг. юридический статус Каспия как моря только советско-иранского, на котором оба государства обладали равными правами в сфере судоходства и рыбной ловли. Ни в договоре 1921 г., ни в соглашениях, заключенных в 1930–1940-е гг. вопрос о разграничении вод на Каспийском море или определения долей для каждой стороны не поднимался. Выделялись лишь 10-ти мильные зоны исключительного рыболовства, что было закреплено в договоре о торговле и мореплавании 1940 г. Отдельная его статья оговаривала запрет на появление иностранных судов на Каспии.

Нельзя не сказать о том, что, согласно приказу НКВД от 1935 г., была установлена линия, соединяющая пункты выхода сухопутной границы двух стран в районе селений Астара и Гасан-Кули, за пределы которой иранские суда практически не допускались [Кулагина, Дунаева, 2008, с. 167]. Но в 1930-е гг. Иран официально не пытался опротестовать эту ситуацию, так как его возможности по судоходству по всей акватории были ограничены.

Вопрос о границе на море поднимался в 1950–1970-е гг., причем инициатором узаконивания сложившейся ситуации стал СССР, который к этому времени вел разработку нефтяных месторождений на дне моря. В его интересах было закрепить раздел не только акватории, но и дна, а также установить воздушную границу ввиду участвовавших пролетов военных самолетов НАТО над советской территорией в этом районе. В ответ иранская сторона ссылалась на документы 1921 и 1940 гг. и заявляла, что ни в одном из совместных соглашений вопрос об установлении государственных границ на море не поднимался.

После свержения шахского режима новая власть, хотя и приняла решение в декабре 1979 г. об отмене с. 5 и 6 договора 1921 г., не поднимала вопрос о пересмотре границ [Махдиян, 2014, с. 54, 202].

С распадом СССР в 1991 г. геополитическая ситуация на берегах Каспийского моря резко изменилась. Появление трех новых независимых прикаспийских государств актуализировало вопрос о пересмотре правового статуса моря. Хотя Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, также как и Россия, подписав Алма-Атинскую декларацию 1991 г., подтвердили верность международным соглашениям, заключенным СССР относительно государственных границ, потребовали определения прав собственности на природные ресурсы Каспийского моря.

Россия и ИРИ, до начала XXI в. прилагали усилия к тому, чтобы сохранить уникальный статус Каспийского моря и положить в основу хозяйственной деятельности прибрежных государств принцип кондоминиума. Иран в 1998 г. принял решение, что «до принятия каких-либо официальных документов по статусу Каспийского моря, сохраняют свою легитимность договоры 1921 г. и 1940 г., подписанные между СССР и Ираном» [Kargozaran, 02.02.2008]. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан требовали раздела моря на национальные сектора и установили границы своих прибрежных зон.

В конце 1990-х гг. Россия под влиянием активизации деятельности международных и национальных нефтяных компаний на Каспии встала на позицию прагматизма и поддерживала идею раздела морского дна по срединной линии. Иран, резко критикуя изменение подхода Москвы, осознав невозможность сохранения прежнего режима использования моря, выдвинул идею его раздела на пять равных частей [Maleki, 2018a].

Одновременно в иранских научных и политических кругах стали высказываться мнения о том, что доля Ирана должна составлять не 20, а 50%. Сторонники этого подхода ссылались именно на документы 1921 и 1940 гг. [Махдиян, 2014, с. 133]. Появление таких идей руководитель Международного центра изучения Каспийского моря А. Малеки объяснил

тем, что в иранском обществе утвердилось неверное толкование договоров, подписанных с СССР. Декларируемое в них право равных возможностей в рыболовстве и судоходстве стало трактоваться как право на 50% водной поверхности, дна и всех природных богатств, но на официальном уровне вопрос в таком ключе никогда не поднимался [Maleki, 2018a]. А. Малеки, давая положительную оценку договору 1921 г., отмечал важность сохранения его духа для выработки новой концепции правового статуса и даже упрекал МИД в том, что оно своими идеями выхолаживает сущность этого документа [Maleki, 2018b].

После более чем 20-летних переговоров, прикаспийские государства, пойдя на компромиссы и взаимные уступки, сумели выработать общие подходы и в августе 2018 г. подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. Она сохранила дух договора 1921 г., ряд положений Конвенции перекликаются со статьями Договора или развивают и дополняют их. В целях поддержания безопасности всех прикаспийских государств запрещено присутствие на море военных сил государств, которые не относятся к этому региону, зафиксирован запрет на предоставление другим государствам своей территории для совершения агрессии или других военных действий против прикаспийских соседей, осуществление плавания по морю предоставлено исключительно судам под флагом прибрежных государств. Ст. 5 зафиксировала сохранение общего водного пространства при выделении 15-мильной зоны территориальных вод и 10-мильной зоны рыболовства. В районе общего водного пространства разрешено свободное судоходство. [Конвенция, 2018]

В Конвенции нашли отражение геополитические и геоэкономические реалии, сложившиеся в последние десятилетия. Вопреки исторической традиции, границы территориальных вод признаются государственными границами, разграничиваются дно и природные ресурсы. Не все вопросы, стоящие перед прикаспийскими государствами, пока нашли свое решение. В частности, вопросы разграничения морского дна и определения территориальных вод Ирана и его соседей по южной части моря лишь в стадии обсуждения.

Подписание Конвенции президентом Х. Роухани было неоднозначно воспринято в Иране. Отдельные националистически настроенные группы, находящиеся под сильным влиянием эмиграции, проживающей на Западе, инициировали пропагандистскую кампанию под лозунгами защиты национальных интересов на Каспийском море, ориентируясь на принцип его деления на две части, полагая, что четыре государства должны поделить между собой половину моря, и обосновывают свою позицию договором 1921 г. Отголоски таких настроений звучат и в иранском парламенте, который до сих пор не ратифицировал Конвенцию [Bazkhani, 2018]. Очевидно, что затягивание официального признания документа будет осложнять взаимодействие Ирана с соседями и препятствовать укреплению сотрудничества, как по вопросам безопасности, так и в сфере экономики, экологии, гуманитарных проблем.

\*\*\*

Оценивая значение договора 1921 г. по прошествии столетия, можно констатировать, что он имел огромное значение и для Ирана, и для советской России. Для Ирана он являлся фактически первым равноправным договором страны за более чем сто лет. Он наглядно демонстрировал, что в своих международных связях достаточно слабое государство может на равных вести переговоры с великими державами. В этом смысле он создавал важный прецедент в международных отношениях. Этот документ укрепил международное положение Ирана и резко осложнил проведение британской политики в стране. Хотя некоторыми политиками Ирана Договор был воспринят не как результат принципиального изменения внешней политики советской России, а как проявление слабости нового режима, в посвященных кругах Ирана он был расценен как поворотный момент в истории отношений Ирана и России.

Значимость Договора для России объяснялась обеспечением безопасности ее южных сухопутных границ и закрытого режима Каспийского моря, определенным сдерживанием устремлений Великобритании в отношении Ирана и советских республик.

В ИРИ, как отмечалось выше, высказываются неоднозначные оценки этого Договора. Однако, несмотря критику этого документа, его оценку как «Дамоклова меча, занесенного над Ираном» [Hushng Mahdavi, 2005, p. 11], многие иранские историки отмечают его значимость для укрепления политической независимости Ирана и сдерживания экспансионистских намерений западных держав [Navazeni, 2015, p. 13]. Эксперты в области российско-иранских отношений убеждены в том, что значение Договора не ограничилось кратковременным периодом, и на протяжении многих десятилетий он играл важную роль в сохранении стабильности на границе двух стран, открыл возможность для развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений, причем, некоторые статьи Договора и по сей день не утратили своего значения.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Алиев С.М. *История Ирана. XX век*. М.: ИВ РАН, 2004 [Aliev S. *History of Iran. The 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2004 (in Russian)].

Ананьич Б.В. *Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства*. Ленинград: Наука, 1991 [Anan'ich B. *Banking houses in Russia 1860–1914. Essay on the History of Private Enterprise*. Leningrad: Nauka, 1991 (in Russian)].

Глуходед В.С. *Проблемы экономического развития Ирана (20-е–30-е годы)*. М.: Наука, 1968 [Gluhoded V. *Iran's Economic Development Challenges (1920s–1930s)*. Moscow: Nauka, 1968 (in Russian)].

Дёмин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты. *Известия Саратовского университета*. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 14–21 [Dyomin Ju. Soviet Policy Towards Former Czarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts. *Bulletin of the Saratov University*. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 14–21 (in Russian)] <https://imo.sgu.ru/ru/articles/sovetskaya-politika-v-otnoshenii-byvshih-carskih-koncessiy-v-irane-1921-1927-gg-regionalnyy> (accessed: 05.06.2021)

*Документы внешней политики СССР*. Т. IV. М.: Международные отношения, 1960 [USSR Foreign Policy Documents. Vol. 4. Moscow: Mejdunarodnie otnoshenia, 1960 (in Russian)].

Зайцев В.Н., Коняшкина Т.А. Об одном из этапов «Большой игры» в центре Евразии (к столетию московских договоров 1921 года). *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 1. С. 42–57 [Zaytsev V.N., Konyashkina T.A. Regarding a Stage of the Great Game in the Center of Eurasia (for the Centenary of the Moscow Treaties of 1921). *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 2021. No. 1. Pp. 42–57 (in Russian)].

*Конвенция о правовом статусе Каспийского моря* [Convention on the Legal Status of the Caspian Sea (in Russian)] 2018. [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_contracts/multilateral\\_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/53319](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/53319) (accessed: 25.06.2021).

Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. *Россия и Иран: история формирования границ*. М.: Гуманитарий, 2007 [Kulagina L.M., Dunaeva E.V. *Russia and Iran: History of Borderformation*. Moscow: Gumanitarii, 2007 (in Russian)].

Кулагина Л.М. *Россия и Иран (XIX–начало XX в.)*. М.: ИВ РАН, 2010 [Kulagina L. *Russia and Iran (19th – beginning of the 20th century)*. Moscow: IOS RAS, 2010 (in Russian)].

Махдиян М.Х. *История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX –начало XXI века.)* М.: ИВ РАН, 2014 [Mahdiyyan M.H. *History of Russo-Iranian relations (XIX –beginning of the XXI century)* М.: IOS RAS, 2014 (in Russian)].

*Новая эпоха в истории Персии и Англо-персидский договор.* Баку, 1920 [*A New Era in the History of Persia and the Anglo-Persian Treaty.* Baku, 1920 (in Russian)].

Сеидов Р.А. *Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века.* М.: Наука, 1974 [Seidov R.A. *Iranian at the End of the 19th–beginning of the 20th century.* Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

*Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях, соглашениях.* МИД СССР. М.: МИД СССР, 1946 [*Soviet-Iranian Relations in Treaties, Conventions, Agreements.* USSR Ministry of Foreign Affairs. Moscow: Ministry of Foreign Affairs, 1946 (in Russian)].

Almouti Z. *Fosuli az tarikhe mobarezate siyasi wa edjtemaie Iran.* Tehran, 1370 [Almouti Z. *Chapters from the History of the Political and Social Struggle of Iran.* Tehran, 1370 (in Persian)].

Bazkhani-ye moahedat-e iran va rusiye dar bareye marzhaye abi. IRNA [Rereading Iranian-Russian Maritime Border Agreements. IRNA (in Persian)] 2018 <https://www.irna.ir/news/83001964> (accessed 09.06.2021).

Bharier J. *Economic Development in Iran 1900–1970.* London: Oxford University Press, 1971.

Hushang Mahdavi A. *Siyasat-e kharejiye Iran dar douran-e Pahlavi. 1300–1357.* Tehran: Peykan, 2005 [Hushang Mahdavi A. *Foreign Policy of Iran under the Pahlavis.* Tehran: Peykan, 2005 (in Persian)].

Kargožaran 02.02.2008 (in Persian).

Maleki A. *Siyasat-e kharegiye Iran va daryaye khazar. Eshtrak* [Maleki A. Iranian Foreign Policy and the Caspian Sea. *Eshtrak.* 2018a. <https://eshtrak.worldpress.com/2018/08/24/> (accessed: 29.06.2021) (in Persian)].

Maleki A. *Vazarat-e kharegi dalayelash ra dar rad-e moahedat-e qabliye khazar beguyad. ISNA* [Maleki A. Foreign Ministry Should Explain Why It Rejects the Previous Agreements on the Caspian Sea. *ISNA.* 2018b. <https://www.isna.ir/news/97061206161/> (accessed: 25.06.2021) (in Persian)].

Navazani B. *Ahdname-ye movadat-e Iran va Russiye 26 fevriye 1921.* Tehran: Ketabrah, 2015 [Navazani B. *Soviet-Iranian Treaty 1921.* Tehran: Ketabrah, 2015. (in Persian)].

Rahnema. 12.30.1920 (in Persian).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АРАБАДЖЯН Завен Артемович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва, Россия.

Zaven A. ARABADZHYAN, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Iranian department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

ДУНАЕВА Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Института стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия.

Elena V. DUNAEVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Iranian department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Institute of Asian and African Countries, Moscow Lomonosov University, Moscow, Russia.

МАМЕДОВА Нина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия.

Nina M. MAMEDOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Head of Iranian Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, MGIMO-University, Moscow, Russia.